DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.3.09

УДК 159.922.7:37.018.3(470.53)

ВОСПИТАННИКИ МОСКОВСКОГО ИНТЕРНАТА В УРАЛЬСКОМ ТЫЛУ: ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СИНХРОННЫХ ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

М.Н. Потёмкина^{1,2}, Т.С. Лушина¹

¹Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова, Москва, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 26 мая 2020 г.
Принята: 28 сентября 2020 г.
Опубликована: 16 декабря 2020 г.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, история детства, Урал, Молотовская область, синхронные эго-документы, эвакуация, образ врага, военно-историческая антропология.

АННОТАЦИЯ

Актуальность изучения особенностей трансформации детского восприятия экстремальных условий диктуется не только необходимостью сохранения травматического опыта Великой Отечественной войны. Непрерывающиеся военные конфликты в современном мире приводят к тому, что жертвами становятся мирное население, в том числе и дети. Восприятие ими экстремальной обстановки и механизмы адаптации представляют научный и практический интерес. На основании синхронных эго-документов, авторами которых являются дети, исследуется детское восприятие дороги в эвакуацию в уральский тыл и образа врага в годы Великой Отечественной войны. Цель данного исследования заключается в рассмотрении восприятия и репрезентации военной действительности в детских сочинениях. Основную часть источников составили школьные сочинения, заметки и стихи для местной стенгазеты, написанные воспитанниками московского интерната, эвакуированного в Молотовскую область. Ценность детских эго-документов определяется тем, что позволяет выявить систему ценностей детей войны и степень воздействия официальной пропаганды на детскую психику. Тема детского восприятия военной действительности получила освещение в отечественной историографии, хотя исследователи редко используют такой вид источников, как детские тексты, предназначенные для стенгазет. Методологическую основу исследования составили теоретические положения и методы военно-исторической антропологии, способы изучения и репрезентации устной истории. В данном исследовании выделены сюжеты, оставившие след в детской психике: дорога в эвакуацию, условия проживания и обучения воспитанников интерната в советском тылу, представления о войне, врагах и Красной армии.

Сделан вывод о том, что в условиях войны произошла дальнейшая милитаризация сознания детей. Особенности детского восприятия войны стали эмоциональностью, упрощенностью, четкая дифференциация на «своих» и «чужих», категоричность. Образ врага не расходится с ключевыми национально-патриотическими стереотипами, связанными с Великой Отечественной войной. Оценки происходящего и отношение к врагу у детей в большей части сформированы риторикой официальной идеологии и пропаганды.

© ПНИПУ

© Потёмкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, старший научный сотрудник, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7056-1258>, e-mail: mpotemkina@mail.ru.

© Лушина Татьяна Сергеевна – студентка Института гуманитарного образования, e-mail: lushina93@bk.ru.

© Marina Nikolaevna Potemkina – Doctor of Sciences in History, Professor, Head of World History Department, Senior Researcher, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7056-1258>, e-mail: mpotemkina@mail.ru.

© Tatiana Sergeevna Lushina – Student, Institute of Humanities Education, e-mail: lushina93@bk.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

MOSCOW BOARDING SCHOOL PUPILS IN THE URAL REAR: REFLECTION OF MILITARY REALITY IN SYNCHRONOUS EGO-DOCUMENTS

Marina N. Potemkina^{1,2}, Tatiana S. Lushina¹

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Moscow, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 26 May 2020

Accepted: 28 September 2020

Published: 16 December 2020

Keywords:

the Great Patriotic War, childhood history, the Urals, Molotov region, synchronous ego-documents, evacuation, image of the enemy, military-historical anthropology.

ABSTRACT

The Relevance of studying the features of childrens' perception of extreme conditions transformationis is dictated not only by the need to preserve the traumatic experience of the great Patriotic war. Ongoing military conflicts in the modern world lead to the fact that the victims are civilians including children. Their perception of extreme situations and adaptation mechanisms are of scientific and practical interest. Based on synchronous ego-documents written by children the author examines childrens' perception of the evacuation road to the Ural rear and the image of the enemy during the great Patriotic war. The purpose of this study is to examine the perception and representation of military reality in childrens' writings. The main part of the sources were school essays, notes and poems for the local wall newspaper, written by the Moscow boarding school's pupils evacuated to Molotov region. The value of children's ego-documents is determined by the fact that they allow us to identify the value system of war children and the degree of influence of official propaganda on the child's psyche. The topic of children's perception in a military reality has been covered in Russian historiography, but researchers rarely use such sources as children's texts intended for wall newspapers. The methodology of the research is based on the theoretical positions and methods of military-historical anthropology, methods of studying and representing oral history. This study highlights the stories that left a mark on the child's psyche: the road to evacuation, living conditions and training of boarding school students in the Soviet rear, ideas about the war, the enemies and the Red Army.

It is concluded that in the conditions of war there was a further militarization of children's consciousness. The peculiarities of children's perception of the war are emotionality, simplicity, a clear differentiation between friend or foe categoricalness. The image of the enemy is not different from the key national-Patriotic stereotypes associated with the great Patriotic war. Children's assessments of what is happening and their attitude to the enemy are mostly formed by rhetoric, ideology, and propaganda.

© PNRPU

Великая Отечественная война по-прежнему остается одним из самых значимых и трудных периодов в исторической памяти российского сообщества. Для сплочения нации каждое воюющее государство использовало целый арсенал агитационно-пропагандистских методов. Главной идеей в СССР был лозунг «Все для фронта, все для победы!». Каждый гражданин страны, независимо от пола, возраста, национальной, социальной принадлежности должен был отдать все силы на пользу Родины. В конечном счете силы, брошенные на борьбу с противником, и тяжелая победа в совокупности по сей день представляют собой сакральное явление, которое способно быть общественно-консолидирующим фактором для граждан России.

Для населения в целом военное время являлось большим испытанием, а для детей в особенности. Смена обстановки с мирной на милитаризованную наиболее остро отзывалась в душах детей. Особенно податлива внешнему влиянию детская психика, для которой характерны впечатлительность, эмоциональное восприятие окружающего мира и вера в авторитеты. Изучение детского восприятия войны значимо не только в исследовании общетеоретического материала, создания и усовершенствования общественно-познавательной базы, но и в воспитательно-гуманистических целях.

Тема военного детства привлекла внимание исследователей практически сразу после окончания Великой Отечественной войны. В советский период обращение к военному детству ограничивалось идеологическими установками и засекреченностью архивных документов. Интерпретация «военного бытия» детей сводилась к описанию форм помощи детей

фронту в тылу, активного участия в партизанских отрядах, инициативной работы на предприятиях, строительства оборонительных сооружений. В исследованиях были представлены факты обеспечения безопасности детского населения под руководством партии [1, 2]. Вследствие этого фрагментарность тематического поля создавала лакуны в изучении детского восприятия войны.

Начиная с 1990-х годов происходит деидеологизация отечественной исторической науки. Расширение корпуса источников и использование новых концепций и методов в изучении позволили увеличить количество научных работ по неразработанным темам и поднять вопросы, ранее табуированные в силу политических установок. В работах [3, 4] представлена многогранная картина военного прошлого в детских сочинениях, рассмотрено восприятие военных условий эвакуированными детьми. В рамках междисциплинарного подхода в работе [5] проанализирован комплекс практик и мер введения официального патриотического воспитания в межвоенный период. Детские переживания и адаптационные практики детей нашли отражение в исследованиях, основанных на материалах воспоминаний детей Сталинграда [6]. Представляет научный интерес вывод автора о том, что «дети в пространстве войны не были лишь безучастными ее жертвами, а выступали в качестве носителей собственных стратегий и практик выживания, вырабатывали свои адаптационные механизмы и системы ценностей, помогавшие справляться с экстремальными ситуациями на войне и преодолевать их последствия в послевоенное время» [7, с. 45].

В результате тема детского восприятия военной действительности, в частности врага, получила новое развитие в отечественной историографии. На основании теоретико-методологической практики устной истории предприняты попытки изучения этой темы с использованием истории эмоций и повседневности и введения в научный оборот детских текстов (дневников, сочинений, записок и т.д.). Но, как свидетельствуют исследователи, такая «весьма специфическая и по-своему уникальная группа источников», как школьные сочинения военной эпохи, почти не введена в научный оборот [8, с. 214].

История военного детства относится к междисциплинарной тематике, соединяя в себе теоретические подходы и методы истории, педагогики, филологии. Методологическую основу исследования составили теоретические положения и методы военно-исторической антропологии. Цель данного исследования заключается в рассмотрении восприятия и репрезентации военной действительности в детских школьных сочинениях.

В качестве источниковой базы выступили детские тексты, написанные воспитанниками московского интерната, эвакуированного в Молотовскую область. В интернате работал кружок юных корреспондентов, видимо, поэтому и сохранились школьные сочинения, заметки в газету, «красноармейские частушки» [9, л. 58]. Все они написаны чернилами на тетрадных листах бумаги. Разными детскими почерками, иногда без фамилий и почти всегда без дат. Стоит отметить, что по имеющимся архивным данным сложно определить точное время, условия сбора и записи материала юнкорами. Сообщения – это информация, собранная во время эвакуации (в поезде, на котором ехали дети) и непосредственно на новом месте жительства детей. К важной характеристике этого вида источника относится то, что дети писали тексты по свежим впечатлениям для будущего размещения их в стенгазете и всеобщего прочтения. Хотя на листах с сочинениями, заметками, стихами отсутствуют какие-либо правки и оценки учителей, мы не можем исключить возможное оценивание этих работ.

В работе с данным материалом важно выделить несколько особенностей источника. Сочинения могут рассматриваться как сообщения, повествующие об общественно значимых со-

бытиях с целью последующего опубликования. Значит, при отображении своих ощущений и эмоций об эвакуации и восприятия противника несовершеннолетний должен был соблюдать идеологическую, стилистическую строгость и правильно оформлять материал. Собранные юными корреспондентами информация должна была конструировать образ врага, соответствующий военным реалиям и идеологической доктрине.

Все эти требования к источнику, конечно, накладывали отпечаток на содержание и стиль текстов. Мы имеем перед собой кейс, который дает нам совершенно другую картину эвакуации, повседневной жизни в уральском тылу и восприятия войны и образа врага в условиях Великой Отечественной войны.

Необходимость эвакуации населения стала очевидной для руководства страны уже в первые дни войны. 24 июня 1941 года был образован Совет по эвакуации при СНК СССР, и вскоре приняты нормативно-правовые документы, определявшие порядок и обеспечение процесса перемещения различных категорий населения (в том числе и детей) из прифронтовой зоны в безопасные регионы страны.

Осенью 1941 года, когда фронт близко подошел к Москве, была начата массовая эвакуация жителей столицы. Чтобы разгрузить город от нетрудоспособного населения (запасы продовольствия были ограничены), была организована эвакуация из Москвы детей школьного возраста, они вывозились без родителей. В действительности дети пережили двойную эвакуацию. В начале октября 1941 года интернат был эвакуирован из Москвы в Рязанскую область, Скопинский район, село Секирино. В записях было отмечено, что во время нахождения в Секирино они работали на сельскохозяйственных работах (пропаливали овощи, скирдовали пшеницу и рожь). Поскольку фронт подходил все ближе, возникла опасность захвата этой территории врагом. Поэтому 29(30) октября 1941 года интернат начал вторичную эвакуацию. Действительно, г. Скопин в результате ожесточенного боя 25 ноября 1941 года был захвачен врагом и, пробыв под оккупацией чуть более суток, был освобожден войсками Красной армии 26 ноября 1941 года.

По многочисленным воспоминаниям очевидцев и архивным документам можно сделать вывод, что условия эвакуации детей были различны: от благополучной перевозки в теплых вагонах, с горячим питанием – до голода, обморожений и гибели детей в пути. На условия эвакуации оказывали влияние многие обстоятельства: обеспечение инвентарем, талонами на питание, продуктами, добросовестность и ответственность сопровождавшего персонала...

Но в анализируемых нами текстах сочинений воспитанников московского интерната дорога в эвакуацию отражена как дальнейшее путешествие в комфортных условиях. Прибыв 30 октября 1941 года на станцию Скопин, дети стали грузиться в вагоны. Поскольку это были «теплушки», не предназначенные для пассажирских перевозок (ввиду нехватки подвижного состава в годы войны использовались часто для перевозки людей), то необходимо было сначала их обустроить. В сочинениях дети пишут об этом: «Стали делать нары, лестницы, когда это было готово, мы мелкие вещи как, например, кастрюли, половники, вешалки, сковородки стали переносить в вагон. В вагоне мы сразу пристроились, разложили на нарах матрацы, развесили рюкзаки, чемоданы, вообще все вещи» [9, л. 11]. Дети ехали в вагоне 29 суток и прибыли в небольшое село Вятчина в 42 км от железнодорожной станции Верещагино в Молотовской области. По упоминавшимся в детских сочинениях населенным пунктам и географическим названиям можно восстановить маршрут движения детского интерната: Скопин – Моршанск – Саранск – Пенза – Волга – Сызрань – Куйбышев – Бугуруслан – Уфа – Златоуст – Челябинск – Свердловск – Кунгур – Молотов – Верещагино – Вятчина. Сегодня, если ехать по

автотрассе по этому маршруту, расстояние составляет около 2650 км, протяженность железнодорожных путей, вероятно, еще больше. Скорость движения эшелонов была очень низкой. Официально установленная в начальный период войны 500–600 км в сутки, реально зафиксированная в документах за ноябрь 1941 года она составляла от 180 до 200 км в сутки. Средняя скорость движения поездов с эвакуированными на Пермской железной дороге в апреле 1942 года составляла 173 км в сутки [10, с. 110].

В детской памяти дорога в эвакуацию чаще всего запечатлевалась как череда монотонных действий, не имевших какой-либо четкой хронологии. Практически во многих других сохранившихся воспоминаниях о военном детстве, записанных спустя много лет, эвакуационные перемещения описываются как тяжелая, утомительная дорога, казавшаяся бесконечной. Так, например, почетный гражданин Перми, бывший директор Пермского областного краеведческого музея Л.Г. Дворсон так описывает свою дорогу в эвакуацию с Украины в Молотовскую область: «...Днем шли, изнемогая от жары, а ночью спали, где придется. Месяц шли пешком; изредка, меняя друг друга, садились на телеги... Нас с мамой посадили в товарный вагон эшелона, где все спали вповалку на полах, крытых соломой. Мы двинулись в путь. ... В ноябре 1942 года мы прибыли в г. Березники Молотовской области» [11, с. 146].

Но в исследуемых нами детских сочинениях отсутствуют негативные эмоции. Дети писали, как им нравились новые впечатления, они воспринимали поездку в эвакуацию как «путешествие», удивлялись, что в Челябинске «горело электричество», так как им было непривычно отсутствие светомаскировки в тыловых городах. Видимо, сопровождавшие детей воспитатели старались сделать все, чтобы облегчить детям тяжелую и продолжительную дорогу. В сочинениях встречаются фразы: «было весело», «читали книги», «пели песни», «были вечера самостоятельности» [9, л. 17, 19]. Конечно, были и минуты грусти и слез: «иногда вспомним про маму, про Москву, начинаем все плакать...» [9, л. 9]. С питанием тоже все обстояло благополучно, как самое вкусное блюдо в пути описывали «лук с маслом, пожаренный на сковороде. Очень вкусно и приятно, питательно» [9, л. 19]. Еще одним ярким воспоминанием был праздничный обед: «Когда был праздник 7 ноября, нам дали на все вагоны варенье, печенье, яблоки, и когда мы справляли, у нас называлось вагонное пирожное» [9, л. 9]. Следует сделать оговорку, что чаще всего в своих воспоминаниях о военном детстве люди говорили о еде и постоянном чувстве голода [4]. Впрочем, вероятно, эвакуация этого интерната проходила в самом начале войны, и питание этого детского учреждения в пути было хорошо организовано.

В конце ноября 1941 года московский интернат прибыл на определенное ему место эвакуации в Молотовской области. По прибытии все дети прошли санитарную обработку («пошли в баню, нас остригли»). Следует отметить, что в условиях голода и дистрофии, дефицита мыла, массовой завшивленности стрижка «под ноль» позволяла хоть как-то снизить опасность заболевания тифом и другими болезнями. В Молотовской области такие «прически» вводились в приказном порядке: например, в приказе по Молотовскому ОблОНО от 15 октября 1941 года в целях предотвращения эпидемий было, в частности, требование «провести обязательную стрижку волос, не допуская ношения учащимися всякого рода причесок» [12, л. 94].

Следует заметить, что всего в Молотовскую область (Пермский край) в начале Великой Отечественной войны было эвакуировано 243 детских учреждения, в которых воспитывалась почти 21 тысяча детей, эвакуированных из прифронтовых районов [13]. По данным на 17 июля 1944 года, «детские дома находились в 49 городах и районах области; их количество составляло 158 единиц, в том числе 63 интерната для эвакуированных детей; численность воспитанников в детдомах общего типа – 17 349, в детдомах для глухонемых и слепых – 333, в прочих детских домах – 177 человек» [14, с. 90].

Практически все они были размещены в районах области. Размещение эвакуированных детских учреждений в сельской местности было типичным явлением, поскольку в города эвакуировались промышленные предприятия, с которыми прибывали рабочие и инженерно-технический персонал с семьями. Бытовая неустроенность и плохое снабжение были характерны для эвакуированных детских домов и интернатов, особенно в первые военные годы. В июле 1942 года исполком областного совета констатировал «недопустимую скученность» детей, отсутствие помещений для изоляторов или их использование не по назначению, перебои с топливом, недостаток столового инвентаря, нехватку одежды и особенно обуви, отсутствие контроля за снабжением продуктами питания, распространенность заболеваний среди детей, необеспеченность детских домов медикаментами, слабую работу по передаче воспитанников родителям, на патронат и на усыновление» [14, с. 92].

Однако в школьных сочинениях воспитанников московского интерната содержатся только позитивные описания повседневной жизни в эвакуации. Вот как об этом пишет Осипова Юлия: «Конечно, было очень трудно жить в такой скученности. Но время военное, нужно приучаться к дружному большому коллективу. У нас должна получиться большая семья, культурная и трудолюбивая» [9, л. 35а]. Все дети учились в школе. Видимо, была строгая дисциплина, поскольку в документах архива мы находим коллективную объяснительную 14 учащихся интерната об опоздании на учебные занятия. Называется она не «объяснительная», не «заявление», а «опровержение». «Старшие ребята сегодня опоздали в школу не по своей вине, а потому что завтрак был подан к 12 часам, когда маленькие ребята возвращались из школы» [9, л. 64].

Вторая часть текстов воспитанников московского интерната содержит корреспондентские заметки и частушки, отражающие восприятие военной действительности в целом. Среди воспоминаний об условиях проживания в эвакуации особо выделены описания неприятеля.

Еще в предвоенный период «постоянная готовность к войне, усиленная бдительность, поиск врага, как реального, так и потенциального, стали неотъемлемыми характеристиками новых советских воспитательских практик» [15, с. 419]. Возможно, поэтому милитаризация сознания детей в условиях начавшейся войны прошла быстро и эффективно. Особенностями советской пропаганды были партийно-государственная монополия на власть и высокая степень институционализации всех средств массовой информации. Пропагандистское воздействие на детей осуществлялось через систему образования, радио, периодическую печать, кинематограф, детские общественные организации. Официальная идеология была тесно переплетена со статусом «истинного» патриотизма. В годы войны пропагандистские образы стали более эмоционально насыщенными и художественно яркими, бинарное сознание, разделяющее на «своих» и «чужих», укрепилось и стало неотъемлемым на всем протяжении войны.

В плане идеологического воспитания подрастающего поколения «лучше места для формирования нового “вида гражданина” и не придумаешь, детский дом – организация закрытого типа, совершенно не связанная с окружающим миром, именно здесь детям прививают новые идеалы, так необходимые государству» [16, с. 65]. Следовательно, сочинения детей интерната содержали явную идеологическую окраску. Описания неприятеля в детских текстах в большей степени соответствовали распространенным советским образам врага. Одновременно с этим благодаря четким советским образам детям прививали патриотические настроения и чувства сплоченности и солидарности со всеми гражданами СССР.

На восприятие врага в нарративах оказывали влияние особенности детской психики. Описание и представление исторического событийного пространства у данной социальной

группы «происходит» через психологические, индивидуальные и внешние особенности. Благодаря сформированным психологическим свойствам в младшем школьном возрасте у детей рисуются более яркие и насыщенные фантазии в представлении удачного и менее болезненного окончания войны, чем у взрослого [17]. Ребенок имеет большую потребность к проявленному вниманию и одобрению взрослого. Под влиянием пропаганды ребенок больше доверяет мнению авторитетной фигуры (например, И.В. Сталина) и не видит недостатков в собирательном образе красноармейца. Но характерной чертой восприятия военного времени детьми является активизация крайних форм эмоций. У ребенка наблюдается набор гипертрофированных чувств, варьирующихся от уважения и почитания до ощущения крайней ненависти и злости.

Детские тексты военных лет представляют собой эмоциональные свидетельства, в которых чаще фиксировались общественно-значимые события. На детское восприятие войны и врага оказывали влияние различные факторы. Во-первых, сама военная действительность, побуждавшая ребенка к некой романтической соревновательности, раннему взрослению, формированию гипертрофированного чувства долга. Во-вторых, велико значение распространенных милитаризированных военных практик – сбор средств в фонд обороны, тимуровское движение, организация воскресников для оказания помощи военнослужащим, переписка с фронтовиками. В-третьих, не могла не оставить след интенсивно развивавшаяся патриотическая кампания, начатая еще в довоенный период и активно развернутая в годы Великой Отечественной войны. Транслировались определенные коды патриотического поведения: самоотверженность, жертвенность [18]. Воспитатели и сопровождающие знакомили детей со сводками Совинформбюро, читали газеты о «боевых эпизодах из фронтовой жизни», организовывали просветительские лекции и показывали фильмы на военную тематику.

Война как явление закрепляет в сознании установку разделения на идеализированных «своих» и отвратительных «чужих». «Чужие» в текстах красноармейских частушек назывались «немцами» (практически все средства советской пропаганды употребляли термин «немец» не как обозначение национальности, а как синоним понятий «фашист», «гитлеровец» и не использовали термин «нацист»), а «свои» – «красными». И «чужие» в представлениях детей являлись захватчиками, пришедшими с целью порабощения советского народа, подавления большей силы малой. Однако в детском сознании советский народ не мог оставить борьбу, сдаться. Например, один из воспитанников пишет: «...они хотели сделать наших людей в своих рабов. Но это им не удалось, сотни людей изнывают под немецким игом» [9, л. 56]. В силу возрастных психологических особенностей у детей не старше 14 лет формируется активное воображение, которое играет большую роль и несколько замещает реальные события. С детской непосредственностью главный враг страны представлялся как человек с собственными интересами. Цели врага имели более практический характер и были просты в понимании детей. Так, «Гитлер мечтал занять Москву и пить в ней чай» [9, л. 56].

Дети в сочинениях стремились продемонстрировать количественное и качественное превосходство Красной армии над врагом. Сила врага в их представлении, была малочисленной и небоеспособной. В сражении под Москвой немецким войскам «был дан хороший крепкий отпор и лучшие войска покатались от Москвы» [9, л. 56]. Интересным источником в анализе восприятия врага являются детские поэтические импровизации – частушки, сочиненные для участия детей в малой идеологической борьбе с противником и в поднятии боевого духа населения. В детский опус были включены красноармейские частушки:

Без рубашек, без сапог
С Запада к нам немец прет,
Пол Европы он прошел
И к России подошел.
Но в России лес штыков
Имел бандит и был таков [9, л. 56].

Показательно изображался враг как слабый и жалкий разбойник, остановить которого может только советская сплоченная армия. В интерпретации детей мы видим отсутствие понимания, что враг уже находился на территории СССР и оккупировал часть земель, он только «подошел». Следовательно, ребенок не располагал правдивой информацией о происходящих военных действиях и не понимал реальных масштабов продвижения врага.

Принижение врага посредством сатирических форм являлось другой отличительной особенностью детского восприятия. Дегероизация противника у детей, как и у взрослых, позволяла уменьшать страх перед ним:

Немецкие дивизии
Теперь без провизии,
А от красных от вояк
Удирают натошак.
Бегут утром и впотьмах
С чёрствой коркою в зубах [9, л. 58].

Стилистический прием – преувеличение – используется через репрезентацию особых ситуативных примеров, характеризующихся стремительным бегством фашистов: «удирают натошак», «бегут утром и впотьмах». Стоит отметить, что в приеме оглушения и принижения врага ребенок не видел временного отступления врага, а рассматривал события как некую окончательную и близкую «капитуляцию».

Стоит отметить, что дети своеобразно осведомлены не только о захватнических планах, но и об агитационно-идеологической политике фашистов. Остро ребенок реагировал на цели завоеваний противника. Бравата и фальсификация фактов характеризовали врага как лживого хвастуна:

Есть у немцев пулемёт
Под названьем брехомёт,
По заказу тыщу врак
Выпускает для зевак.

В текстах содержатся как литературные штампы, так и повседневный лексикон того времени (враки – зеваки), слова-новообразования (пулемёт – брехомёт).

В детском восприятии образ врага конструировался через синтез преувеличенных негативных человеческих черт и находивших реальные подтверждения военных просчетов. При этом в частушках иногда художественный способ передачи образа врага дополнялся далеко не детскими сравнениями. Например, при оценке информативности немецких сводок было употреблено сравнение:

Выпускать такие сводки
Можно после литра водки.

Влияние массовой пропаганды воспитывало в детях чувство ненависти к врагу. Употребление детьми характерных для советской прессы художественных оборотов говорит о присоединении ребенка к коллективной советской неприязни к фашисту.

Образ врага был также персонализирован в личности Гитлера. К созданному негативно-му образу Гитлера наряду с эмоциональным компонентом ненависти, вражды и агрессии присоединялось чувство усталости:

Потому что всем солдатам
Гитлер очень надоел [9, л. 58].

Детское понимание включало одновременно демонстрацию готовности противостоять врагу и эмоционального истощения от продолжающейся войны. Можно предположить, что такое отношение было связано с детским представлением войны как игры, которая через какое-то время так же надоедает.

В заключение хотелось бы отметить, что детские сочинения военного периода как исторический источник позволяют расширить исследовательское поле историка. Военное поколение детей росло и воспитывалось в политизированном обществе, под мощным воздействием идеологического пресса. Они привыкли воспринимать мир в контрастных черно-белых тонах. В условиях войны произошла дальнейшая милитаризация сознания детей. Находясь в глубоком уральском тылу, дети воспринимали военное противостояние сквозь призму советской пропаганды и окружавшего их информационного поля. Формирующийся образ врага проходил через детское своеобразное осмысление и эмоциональный фильтр. Среди особенностей следует отметить упрощенность понимания военных целей врага и реального положения дел на фронте, отсутствие критического восприятия врага как сильного соперника, использование способов преуменьшения и откровенного высмеивания противника. Эмоциональная детская экспрессивность и отсутствие жизненного опыта прохождения военных трудностей влияли на процесс идентификации врага. Но такое упрощенное эмоциональное восприятие войны выступало защитным механизмом от тяжелых реалий окружающей действительности, вырабатывая адаптационные стратегии и ценностные установки. Посредством четкой дифференциации на «своих» и «чужих» в детях закладывались важные «звенья» патриотического воспитания: уважительное отношение к советским защитникам, чувство причастности к судьбе Родины.

Список литературы

1. Николаев В.И. Пионерская организация в годы Великой Отечественной войны / Высш. комс. школа при ЦК ВЛКСМ. Кафедра пионерской работы. – М., 1973. – 51 с.
2. Сеницын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1969. – № 6. – С. 20–29.
3. Рожков А.Ю. Вместо сияющего будущего – участь рабыни: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год) // Вторая Мировая война в детских «рамках памяти»: сб. ст. / под ред. А.Ю. Рожкова. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 264–316.
4. Потёмкина М.Н. Отражение войны в памяти эвакуированных детей // Вторая Мировая война в детских «рамках памяти»: сб. ст. / под ред. А.Ю. Рожкова. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 229–247.

5. Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: ОСОАВИАХИМ и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). – М.: Новый хронограф, 2010. – 471с.
6. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина [и др.] // Волгогр. филиал Рос. акад. нар. хоз. и гос. службы. – Волгоград, 2015. – 336 с.
7. Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 4 (28). – С. 37–50.
8. Зайцев А.А., Рожков А.Ю., Тажидинова И.Г. Сборник эго-документов «Это и моя война» как опыт репрезентации прошлого в настоящем // Голос минувшего: Кубан. ист. журн. – 2016. – Т. 1–2, № 1–2. – С. 208–215.
9. Сочинения воспитанников об эвакуации в тыл и жизни в интернате. Корреспонденции для стенгазеты // ГАРФ. Ф. Р-5326. Оп.1. Д.78.
10. Потёмкина М.Н. Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 4 (34). – С. 110.
11. Дворсон Л.Г. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Бессмертный подвиг народа: тез. докл. науч.-практ. конф. – Пермь, 2000.
12. ГАПО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 215.
13. Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1986. – 369 с.
14. Протасова Е.В. Детские дома и интернаты военного времени в Пермской (Молотовской) области // Научный диалог. – 2014. – № 8 (32). – С. 84–104.
15. Сальникова А.А. Конец сказки: Первая мировая и Гражданская войны в восприятии детей-современников. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / под ред. И.В. Нарской, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 418–437.
16. Ложкина В.М., Селянинова Г.Д. Мать-Родина. Отец-Сталин. Воспитание нового гражданина во время войны (на основе отчетов и воспоминаний воспитанников детдомов Молотовской области) // Вестн. науч. ассоц. студентов и аспирантов ист. фак-та Перм. гос. гум.-пед. ун-та. Сер. StadiaHistoricaJenium. – 2011. – № 1 (7). – С. 63–71.
17. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Академия, 2003. – 456 с.
18. Никонова О.Ю. Сталинский официальный патриотизм и его групповые интерпретации // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 17. – С. 25–27.

References

1. Nikolaev V.I. Pionerskaia organizatsiia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Pioneer Organization During the Great Patriotic War]. Moscow, Vysshiaia komsomol'skaia shkola – pri TsK VLKSM. Kafedra pionerskoi raboty, 1973, 51 p.
2. Sinitsyn A.M. Zabota o beznadzornykh i besprizornykh detiakh v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Caring for Neglected and Street Children in the USSR During the Great Patriotic War]. *Voprosy Istorii*, 1969, no. 6, pp. 20-29.
3. Rozhkov A.Iu. Vmesto siiiashchego budushchego – uchast' rabyni: reprezentatsiia perezhivanii v period okkupatsii v narrativakh krasnodarskikh shkol'nikov (1945 god) [Instead of a Shining Future - the Fate of a Slave: the Representation of Experiences During the Occupation Period in the Narratives of Krasnodar Schoolchildren (1945)]. *Vtoraia Mirovaia voina v detskikh «ramkakh pamiaty»*. Krasnodar, Ekoinvest, 2010, pp. 264-316.

4. Potemkina M.N. Otrazhenie voyny v pamiati evakuirovannykh detei [Reflection of War in the Memory of Evacuated Children]. Vtoraia mirovaia voina v detskikh «ramkakh pamiati». Krasnodar, Ekoinvest, 2010, pp. 229-247.
5. Nikonova O.Iu. Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaia podgotovka naseleniia v ural'skoi provintsii (1927-1941 gg.) [Education of Patriots: Osoaviakhim and Military Training of the Population in the Ural Province (1927-1941)]. Moscow, Novyi khronograf, 2010, 471 p.
6. Ryblova M.A., Krinko E.F., Khlynina T.P. Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniia detei v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Stalingradskoi bitvy) [Childhood and War: the Culture of Everyday Life, the Mechanisms of Adaptation and Practices of the Survival of Children in the Conditions of the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Filial federal'nogo gosudarstvennogo biudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego obrazovaniia «Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby, 2015, 336 p.
7. Ryblova M.A. «Territoria detstva» V prostranstve Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Stalingradskoi bitvy) ["Territory of Childhood" In the Space of the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnie Otnosheniia*, 2014, no. 4 (28), pp. 37-50.
8. Zaitsev A.A., Rozhkov A.Iu., Tazhidinova I.G. Sbornik ego-dokumentov «Eto i moia voina» kak opyt reprezentatsii proshlogo v nastoiashchem [Collection of Ego-Documents "This is My War" as an Experience of Representing the Past in the Present]. *Golos Minuvshogo. Kubanskii Istoricheskii Zhurnal*, 2016, vol. 1-2, no. 1-2, pp. 208-215.
9. Sochineniia vospitannikov ob evakuatsii v tyl i zhizni v internate. Korrespondentsii dlia stengazety [Compositions of pupils about evacuation to the rear and life in the boarding school. Correspondence for wall newspaper]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, f. r-5326, op.1, d.78.
10. Potemkina M.N. Doroga v evakuatsiiu: opyt rekonstruktsii zheleznodorozhnykh perevozok naseleniia v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voyny [The Road to Evacuation: the Experience of Reconstruction of Railway Transportation of the Population in the Conditions of the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniia*, 2015, no. 4 (34), 110 p.
11. Dvorson L.G. V gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941-1945 gg. [During the Great Patriotic War of 1941-1945]. *Bessmertnyi podvig naroda*. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Perm', 2000, 146 p.
12. Potemkina M.N. Otrazhenie voyny v pamiati evakuirovannykh detei [Reflection of War in the Memory of Evacuated Children]. Vtoraia mirovaia voina v detskikh «ramkakh pamiati». Ed. Rozhkov A.Iu. Krasnodar, Ekoinvest, 2010, pp. 229-247.
13. *GAPO*, f. 176, op. 6, d. 215.
14. Ocherki istorii Permskoi oblastnoi partiinoi organizatsii [Essays on the History of the Perm Regional Party Organization]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 369 p.
15. Protasova E.V. Detskie doma i internaty voennogo vremeni v Permskoi (Molotovskoi) oblasti [Wartime Orphanages and Boarding Schools in the Perm (Molotov) Region]. *Nauchnyi Dialog*, 2014, no. 8 (32), pp. 84-104.
16. Sal'nikova A.A. Konets skazki: Pervaia mirovaia i grazhdanskaia voyny v vospriatii detei – sovremennikov [End of the Tale: World War I and the Civil War as seen by Contemporary Children]. Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii. Cheliabinsk, Kamennyi poias, 2007, pp. 418-437.
17. Lozhkina V.M., Selianinova G.D. «Mat'-Rodina. Otets-Stalin. Vospitanie novogo grazhdanina vo vremia vojny» (na osnove otchetov i vospominanii vospitannikov detdomov Molotovskoi oblasti) ["Motherland. Father is Stalin. Raising a New Citizen During the War" (Based on Reports and Memoirs of Children from Orphanages in the Molotov Region)]. *Vestnik Nauchnoi Assotsiatsii Studentov i Aspirantov Istoricheskogo Fakul'teta Permskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta. Stadia Historica Jenium*, 2011, no. 1 (7), pp. 63-71.
18. Mukhina V.S. Vozrastnaia psikhologiya: fenomenologiya razvitiia, detstvo, otrochestvo [Developmental Psychology: Phenomenology of Development, Childhood, Adolescence]. Moscow, Akademiia, 2003, 456 p.
19. Nikonova O.Iu. Staliniskii ofitsial'nyi patriotizm i ego gruppovye interpretatsii [Stalinist Official Patriotism and its Group Interpretations]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsial'no-Gumanitarnye Nauki*, 2011, no. 17, pp. 25-27.